

ФЕДОТОВ Георгий Петрович (1886—1951) — русский мыслитель, философ, историк, публицист, профессор по кафедре истории средних веков в Саратовском университете (1920). Эмигрировал из Советской России во Францию (1925), автор более 300 публикаций и эссе по общественным проблемам, в том числе книг: «Абеляр» (1925), «Святые Древней Руси (X—XVII столетий)» (1931), «И есть, и будет.

«Размышления о России и революции» (1932), «The Russian Religious Mind» (1946). В 1988 в Париже вышло собрание статей Ф. в шести томах. Творчество Ф. сыграло значимую роль в осмыслении вопросов назначения и места России в истории, соотношения революции и человеческих судеб, гибели и возрождения культуры. Связав себя с социал-демократическим движением уже в год окончания гимназии (1904), Ф. прошел в дальнейшем длительную духовную эволюцию, связанную с «личным переживанием Христа»: свобода человека, гуманизм и живое евангельское чувство Иисуса Христа стали характернейшими чертами Ф. — социального мыслителя.

Участвуя после февраля и октября 1917 в деятельности немногочисленного интеллектуального кружка почти забытого в СССР и посткоммунистической России свободного философа Мейера, Ф. все более склонялся к ориентации не столько на религиозную философию или чистое богословие, сколько на «богословие социальное или даже социологическое». Философским камертоном социологического творчества Ф. явилось понятие «молчание». Молчание творческое, молчание как прислушивание, чувствительность к тону российской истории, позволившие Ф. дешифровать общественно-политические события революций 1917 и гражданской войны как трагичные полифонические мелодии эволюции православной культуры.

Для Ф. человек выступает как судьбоносец культуры: смысл мировой истории, судьбы культуры в истории и как следствие — облик человека в культуре — предельная формула социолого-философского мировоззрения Ф. Но во всех социологически ориентированных, жизненно соразмерных моделях Ф. присутствует универсальная точка отсчета — Россия как непреходящий предмет научного творчества: «Да, мы видели Приама, убитого на крови собственного сына. Да, мы бежали с пожарища со старцем Анхизом и святынями Пергама... Скольких старцев мы схоронили, скольких товарищей недосчитались, унесенных волнами... Это мы у ног Дидоны повторяем легендарную уже повесть о гибели Трои, и ни на какие черты чужеземной красоты не променяем образ воскресшей родины.

Наша скорбь острее, потому что мы не можем, подобно Энею, оторваться от родной земли. Не можем на одних «пенатах» строить Пергам. Наша Гесперия на

Востоке. Мы обречены, как тени, возвращаться к дымящимся развалинам, и ужасы последней ночи не изглаживаются из памяти». Отличительной особенностью социологии Ф. явилась тотальная критика русской идеологии (стремившейся достичь «западных целей» — «восточными средствами»): народников и марксистов, реакционеров и антибольшевиков-демократов, чаяний народа и интеллигенции. (По мысли Ф., славянский перевод Библии обогатил русский язык, но одновременно избавил русских книжечеев от необходимости изучать древние классические языки.

Россия оказалась отрезанной от философии: «... отрекшись от классической традиции, мы не смогли выработать своей, а на исходе веков — в крайней нужде и по старой лености — должны были хватать... где и что попало... Не хотели читать по-гречески — выучились по-немецки, вместо Платона и Эсхила набросились на Каутских и Липпертов») С точки зрения Ф., вся история

России представляет собой процесс принципиального преодоления ее лучшими умами «апокалиптического соблазна» в видении перспектив развития. Ни концепция бесконечного прогресса секуляризированной Европы в духе общественной мысли Нового времени, ни идея о фатальности гибели «потусторонней» для Запада цивилизации русской православной религиозности не были созвучны мировосприятию Ф. Эсхатологичность социально-философского и социологического творчества Ф. не результативалась в экстремальных, пессимистических прогнозах конца истории и культуры. Постулируя в начале 1930-х цель построения в Европе и России «Нового Града», способного отказаться от трагичного в неизбывности своем стремления континента к военной катастрофе, Ф. обращал особое внимание на решение «социальных вопросов». «Трудовой социализм», свобода личности вопреки догматам фашизма и коммунизма, христианство, русский патриотизм — вот те идеалы, которые Ф. считал главными в любых проектах общественных трансформаций. Именно через парадигму этих ценностей культуры призывает Ф. создавать целостный облик истории российского государства, целостную социальную модель его общественной эволюции.

В 1939 в статье «Создание элиты» Ф. писал: «Демократизация культуры приобретает зловещий характер. Широкой волной текущая в народ культура перестает быть культурной.

Народ думает, что для него открылись все двери, доступны все тайны, которыми прежде владели буржуа и господ. Но он обманут и обворован. Господа унесли с собой в могилу — не все, конечно, — ключи, — но самые заветные, от потайных ящиков с фамильными драгоценностями... В старой, полудворянской России «кухаркин сын», пройдя через школу, мог овладеть той культурой, которая сейчас в рабоче-крестьянской России ему недоступна. Причина ясна и проста.

Исчезла та среда, которая прежде перерабатывала, обтесывала юного варвара, в нее вступавшего, лучше всякой школы и книг. Без этой среды, без воздуха культуры школа теряет свое влияние, книга перестает быть вполне понятной". По мысли Ф., "в борьбе между старым и новым мы не можем стать всецело на сторону "родного Содома". Есть вещи, которые должны сгореть в огне катастроф.

Но есть и пенаты, которые мы выносим из огня разрушенной Трои, чтобы в долгих скитаниях и битвах найти для них новые храмы на площадях грядущего Рима. Содом или Троя? Между этими двумя восприятиями прошлого мы раскалываемся. Верный ответ, конечно: и Троя, и Содом. Пусть сгорит содомское, но пусть вечно живет Палладиум священной Трои". Ф. выступил одним из очень немногих, кто оказался в состоянии апплицировать истины и дух "

;Вех" на реалии постреволюционного и поствоенного мира. Осуществляя анализ истории русской интеллигенции, Ф. утверждал, что пройдя целый век с царем против народа, она некоторое время противостояла и народу и царю (1825—1881) и, наконец, поддержала народ против царя (1905—1917). Для Ф. интеллигенция — не столько носитель и генератор новых идей, сколько определенный общественный слой с его конкретными бытовыми чертами. Антигосударственность интеллигенции сопряжена у Ф. с ее антинациональными ориентациями.

Патриотические круги дворянства и армии в принципе не могли, по Ф., разделить такие идеи, а поэтому интеллигенция искала и нашла на собственную погибель себе сообщников в среде рабочих, крестьян и (что самое печальное) в слоях люмпенпролетариата России. "Сталинокрафия" и ее торжество, по мнению Ф., вовсе не отменяют эту тенденцию, они лишь корректируют ее. (Осмысливая возможные, альтернативные большевизму, варианты эволюции России в конце 19 в. Ф. отмечал: а) осуществимость опоры правящей династии на "черносотенное" крестьянство, соединяющее религиозный монархизм со стремлением к переделу земли, и принесение — при поддержке Церкви — этой силе в жертву космополитичного дворянства и большинства интеллигенции; б) возможность опоры царизма на православные, национально-ориентированные, враждебные бюрократии и антинародному дворянству, торгово-промышленные слои — "силу почвенную и прогрессивную",, "защищающую свободу слова и печати, единение царя и земли в формах Земского Собора".) По мысли Ф., "люди, воспитанные в восточной традиции, дышавшие вековым воздухом рабства, ни за что не соглашаются с такой свободой — для немногих, — хотя бы на время. Они желают ее для всех или ни для кого. И потому получают "ни для кого";

Им больше нравится царская Москва, чем шляхетская Польша. Они негодуют на

замысел верховников, на классовый эгоизм либералов. В результате на месте дворянской России — империя Сталина". Этот трагичный выбор — будущий крест государства российского, от разрешения этой дилеммы зависит его будущее.

В социально-философском творчестве Ф. был обозначен ряд таких проблем эволюции советского и постсоветского общества, которые, очевидно, не имеют простых решений даже в конце 20 ст. По мнению Ф., "для всех меньшинств отвращение от большевизма сопровождается отталкиванием от России, его породившей. Великорусе не может этого понять.

Он мыслит: мы все ответственны, в равной мере, за большевизм, мы пожинаем плоды общих ошибок. Но, хотя и верно, что большевистская партия вобрала в себя революционно-разбойничьи элементы всех народов России, но не всех одинаково. Русскими преимущественно были идеологи и создатели партии. Большевизм без труда утвердился в Петербурге и Москве, Великороссия почти не знала гражданской войны; окраины оказали ему отчаянное сопротивление". Ф. не считал необходимым избыточно акцентировать данную проблему: для будущего, по его убеждению, неизмеримо важнее новый культурный синтез подлинной морали. Кризис культуры, а — неизбежно — и общества, по Ф., суть распад культуры как целого: "

;Когда на небесах стреляют мильтоновские пушки, на земле человечество сходит с ума. Где-то развенчали мораль, а на земле миллионы людей гниют в лагерях смерти. Еще один выстрел на небесах, и здесь станут сажать на кол". Ф. сумел предвосхитить трагичную перспективу выхода своей Родины из утопии: ценою жизни новых мучеников за идеи освобождения и любви. "В зарубежье /русском — А.Г./, — писал Ф., — наибольшим почитанием пользуются воинственные святые — возможные покровители в гражданской войне..."

А.А. Грицанов